

Людвиг «великий и ужасный» и его «Трактат»

В 2021 году исполнилось сто лет с первой публикации семидесятипятистраничного текста, который во многом определил развитие европейской и мировой философии XX столетия. Сам автор хотел назвать свое сочинение просто «Трактатом», однако издатель и коллеги автора настояли на раскрытии в названии содержания (или хотя бы научного направления) работы. Автора этого текста звали Людвиг Витгенштейн.

За первым изданием «Трактата» на немецком языке последовала английская публикация 1922 г., причем по совету коллеги и друга Витгенштейна, видного британского философа Дж. Э. Мура, тексту в английском переводе было дано латинское название — «Tractatus Logico-Philosophicus». (Мур считал, что по глубине мысли и рациональности научного анализа этот текст вполне способен соперничать со знаменитым сочинением Б. Спинозы «Tractatus Theologico-Politicus», иначе «Богословско-политическим трактатом, содержащим несколько рассуждений, показывающих, что свобода философствования может быть допущена без вреда благочестию и спокойствию государства».) Вот так небольшая, но крайне многозначная работа Витгенштейна прочно утвердилась на философском олимпе, где и продолжает пребывать по сей день.

Правда — в отличие, например, от Дж. Г. Байрона, который после выхода из печати поэмы «Странствия Чайльд-Гарольда», по его собственному признанию, «проснулся знаменитым», — Витгенштейн с публикацией «Трактата» вовсе не обрел мировую славу; фактически его

идеи получили распространение гораздо позже, благодаря структуралистам и семиотикам, которые в 1960-х годах обнаружили, насколько витгенштейновские воззрения близки их собственным*. Вдобавок в 1965 г. был найден и несколько лет спустя опубликован ранний вариант «Трактата» — так называемый «Прото-Трактат», составленный автором по своим дневниковым записям и еще не прошедший авторскую редактуру**; эта публикация также способствовала возникновению широкого интереса к фигуре Витгенштейна и его рассуждениям. Разумеется, несправедливо будет утверждать, что первые издания «Трактата» вообще не привлекли внимания публики — достаточно указать на восторженные отзывы Б. Рассела и других британских логиков и философов и вспомнить, сколь тщательно положения Витгенштейна изучались на заседаниях Венского логического кружка***, — но все-таки по-настоящему «модным», если можно так выразиться,

* Пусть в британских и австрийских интеллектуальных кругах он довольно рано сделался известен как «бог логики» (ср. известное замечание Дж. М. Кейнса — «Бог приехал, я встретил его на вокзале»), в целом для широкой публики Витгенштейн вовсе не был «властителем дум».

** См. *Wittgenstein L. Prototractatus, an Early Version of Tractatus Logico-Philosophicus* / Trans. by D. F. Pears, B. F. McGuinness; ed. by B. F. McGuinness, T. Nyberg, and G. H. von Wright. London: Routledge and Kegan Paul, 1971. Довольно часто «Прото-Трактат» отождествляется с рукописью Ms104 из архивов Витгенштейна, но на самом деле это вариант Ms104 с обильной редакторской правкой для облегчения чтения; см. *Pilch M. A Missing Folio at the Beginning of Wittgenstein's Ms104* // *Nordic Wittgenstein Review* 4. 2015. N 2. P. 65–97, а также *Hacker P. An Introduction to the Centenary Edition of Tractatus Logico-Philosophicus* // *Ludwig Wittgenstein. Tractatus Logico-Philosophicus Centenary Edition*. London, New York: Anthem Press, 2021. P. 7.

*** См.: *Крафт В.* Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. М.: Идея-Пресс, 2003; *The Voices of Wittgenstein, the Vienna Circle*, by Ludwig Wittgenstein and Friedrich Waismann / Trans., ed. and with an introduction by Gordon Baker. London: Routledge, 2003; *Реале Д., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней: В 4 т. Т. 4. СПб.: Петрополис, 1994–1997; *Вригт Г. Х. фон.* Витгенштейн и двадцатый век // *Вопросы философии*. 2001. N 7. С. 33–46.

по-настоящему влиятельным и востребованным «Трактат» оказался уже во второй половине XX столетия.

Постепенно вокруг «Трактата» начал складываться подлинный культ, изучение этого текста вошло в университетские программы по современной философии, а само произведение со временем превратилось в артефакт массовой культуры — сделалось своего рода обязательным к прочтению для всякого, кто желал показаться интеллектуалом, затенило и затмило собой более поздние работы Витгенштейна, опубликованные посмертно и во многом опровергающие положения «Трактата»; даже послужило основанием для интерпретаций кинематографических («Трактат Витгенштейна» П. Форгача, 1992, да и «Витгенштейн» Д. Джармена, 1993) и музыкальных («Трактат-сюита» М. Нумминена, 1989; «Логико-философский трактат. Музыкальная версия» Б. Зульцера, 2010). Если прибавить сюда так называемое «окончательное толкование» (*resolute reading*) «Трактата», о котором подробнее будет сказано ниже и которое изрядно всколыхнуло почтенное академическое сообщество, то ничуть не удивительно, что столетие с момента публикации текста Витгенштейна ознаменовалось обилием исследований и иных материалов по этому поводу — как в научной, так и в популярной прессе.

Как отмечалось в одной статье, «и через 100 лет многие философские дилеммы, о которых говорил Витгенштейн, продолжают занимать читателей»*. В чем же причина удивительного «долголетия» «Трактата» — сочинения, которое никак не назовешь простым для понимания, общедоступным или, паче чаяния, развлекательным?

* *Legg C. Wittgenstein tried to solve all the problems of philosophy in his Tractatus Logico-Philosophicus — but he didn't quite succeed // The Conversation. 2022. June (<https://theconversation.com/wittgenstein-tried-to-solve-all-the-problems-of-philosophy-in-his-tractatus-logico-philosophicus-but-he-didnt-quite-succeed-181719>). В этой же статье «Трактат» характеризуется как «книга молодого человека, с наивной уверенностью замечающего под коврик множество философских проблем».*

* * *

Эта крохотная книжица — пусть и много лет спустя после первой публикации — радикально изменила пространство европейской философии (во всяком случае, немецко- и англоязычной): «после Витгенштейна» стало невозможным философствовать как прежде, «по старинке», пренебрегая логической структурой мироздания как основой бытия и выдвигая очередные «бессмысленные», в его понимании, философские теории; словно воплощая в жизнь заповедь Ф. Ницше, он ворвался в это пространство со своим «Трактатом» и принялся «философствовать молотом»*.

Но дело не только и не столько в этом; сам Витгенштейн, человек крайне эксцентричного поведения, разительно выделялся из благопристойной массы ученых 1920-х — 1940-х годов, и такая фигура, да еще окруженная знаменитостями наподобие Б. Рассела, не могла не сделаться предметом обсуждения в «салонных беседах» университетских преподавателей и студентов, будь то в Австрии или в Великобритании. Постепенно складывалась репутация — слегка скандальная, что греха таить, — которая входила, что называется, в молву, обеспечивала узнаваемость и популярность у широкой публики, а отблеск этой репутации падал, конечно же, и на произведения «скандалиста», как было в свое время с О. Уайльдом. Вот как представляется, почему «Трактат» однажды вырвался из академической тиши и превратился, как уже упоминалось, в артефакт массовой культуры.

Далее же все происходило и происходит по законам масс-культурного воспроизводства: в медиасреде — не важно, на каком уровне развития она находится, — любое творение, в нее угодившее, попросту обречено существовать и навязывать себя потребителю, пока существует эта

* Или «логицировать молотом», как выразился американский литературовед М. Пухнер; см. *Puchner M. Doing Logic with a Hammer: Wittgenstein's Tractatus and the Polemics of Logical Positivism // Journal of the History of Ideas. 2005. Vol. 66, N 2. P. 285–300.*

среда. А поскольку современное человеческое общество уже второе столетие живет в условиях пролонгированной медиасреды «ревущих двадцатых», всем ее образцам, даже самым ранним, суждено тиражироваться и далее. Частично, полагаю, вот благодаря такому стечению обстоятельств «Логико-философский трактат» по сей день известен, пускай понаслышке, людям образованным (наверное, точнее будет сказать — осведомленным о наличии мира за пределами удовлетворения насущных потребностей) и вне рамок философии.

Прошу понять правильно: я несколько не пытаюсь умалить значимость «Трактата» как вехи развития человеческой мысли — наоборот, эта философская работа, как мне кажется, до сих пор не оценена по достоинству. Но нельзя отрицать, что во многом своим «долголетием» она обязана массовой культуре, падкой до образов эксцентричных ученых (вспомним хотя бы А. Эйнштейна и его теорию относительности — о самом Эйнштейне и его теории слышали почти все, но мало кто способен объяснить, что это за теория; таково же, на мой взгляд, положение Витгенштейна и его «Трактата»).

Так или иначе, «Трактат» благополучно перевалил через столетний рубеж своего культурного бытования — и, судя по количеству переизданий на разных языках, в том числе на русском, ему уготована участь неоспоримой классики. Правда, классику часто называют омертвелой, но к «Трактату» это определение вряд ли применимо: слишком много в нем загадок, подлинных и мнимых (об этом ниже), слишком велико разнообразие его интерпретаций, от научных до житейских (мол, Витгенштейн — напомню, человек и персонаж массовой культуры — не мог мыслить ясно из-за болезни, оттого и писал так, как писал*), чтобы эта книга в относительно ближайшем времени стала пыльным памятником.

* Эту версию выдвинул финский логик и математик Я. Хинтика, ученик соратника Витгенштейна Г. фон Вригта. См. *Хинтика Я. О Витгенштейне. Из «лекций» и «заметок»*. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2013.

* * *

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что всякий, кому доводилось читать «Трактат» — или кому еще только доведется в него погрузиться, — приходит к этому тексту своей дорогой. Моя личная история знакомства с «Трактатом» началась в студенческие годы. Среди прочих предметов у нас был и тот, который носил пугающее название «Моделирование информационных процессов и объектов». Что это такое, не понимали, по-моему, и сами преподаватели, — во всяком случае, каждый из них (а лекторов по предмету было несколько) читал собственный курс: один — об информационных системах, другой — об общей и математической лингвистике, третий — о семиотике в трактовке Ф. де Соссюра и его продолжателей, четвертый — по математической логике и так далее. Именно на лекции по матлингвистике как-то прозвучала фраза, которая меня буквально зачаровала: «Тем самым появляется возможность строить логические леса». Это было невероятно красиво — логические леса! После лекции преподаватель счел нужным пояснить, что выражение «логические леса» восходит к «Логико-философскому трактату»; тогда-то я впервые услышал о «Трактате» и о самом Витгенштейне — увы, в советской средней школе вся современная философия («обществоведение») начиналась Гегелем, а заканчивалась Марксом, Энгельсом и Лениным.

Предмет «Моделирование», как мы называли его между собой, растянулся на четыре семестра, и в третьем семестре пришел новый лектор; он рассказывал о формальной стороне языка, о способах и проблемах формализации человеческого знания, о возможностях искусственного интеллекта как знаковой системы — и ссылаясь время от времени на те или иные рассуждения Витгенштейна, которого, среди прочих, причислял к отцам кибернетики*. Многочисленные упоминания о «Трактате»

* В его толковании Дж. фон Нейман, К. Шеннон, Н. Винер и другие «техники» были творцами кибернетики, а Рассел, Витгенштейн, Р. Карнап, А. Черч и даже де Соссюр — ее отцами, причем ряд последних продолжался вплоть до Аристотеля.

в конце концов побудили меня разыскать русский перевод текста в Библиотеке иностранной литературы (в университетской его не нашлось). Каково же было мое удивление, когда на обороте титульного листа я прочитал фамилию переводчика — Лахути; выяснилось, что у нас преподавал Д. Г. Лахути, один из членов Московского логического кружка (как и другой преподаватель «моделирования», В. К. Финн), кибернетик, философ и лингвист, соавтор первого перевода «Трактата» на русский язык*.

Благодаря ДГЛ, как за глаза именовали Д. Г. Лахути студенты, я прочитал «Трактат» дважды — сначала по-русски, а затем, не сумев разгадать ряд темных мест перевода, по-английски, в тщетной надежде понять ход мысли автора по оригиналу. Отчасти непонимание было вызвано, как мне кажется сегодня, последовательным изложением содержания «Трактата» как в русской, так и в английской версии, то есть чтением текста подряд согласно нумерации параграфов; лишь гораздо позже пришло осознание того, что «Трактат» представляет собой логическое дерево и читать этот текст нужно «по веткам», а не как обычную книгу. (Забегая чуть вперед, замечу, что данное обстоятельство в 2000-х годах породило ученую дискуссию об «окончательном толковании» «Трактата», и многие доводы сторонников этой гипотезы опираются как раз на последовательное, а не ветвевобразное прочтение параграфов текста.) Так или иначе, «Трактат» во многом остался для меня загадкой; вдобавок на восприятие работы Витгенштейна наложился целый ряд прочитанных ранее трудов по теоретической лингвистике, от В. фон Гумбольдта до О. Есперсена, и потому из всего «Трактата» в памяти, помимо «логических лесов», засела тогда одна-единственная фраза: «Границы моего языка определяют границы моего мира». В этой фразе ощущалась, как мог сказать бы сам Витгенштейн,

* См. *Витгенштейн Л. Логико-философский трактат* / Общ. ред. и предисловие доктора философских наук профессора В. Ф. Асмуса; пер. с немецкого, сверенный с авторизованным английским переводом, И. Добронравова и Д. Лахути. Серия «Для научных библиотек». М.: Иностранная литература, 1958.

некоторая достоверность, и весь «Трактат» на довольно долгий срок сделался для меня таким манифестом теории лингвистической относительности* и ранней попыткой проторить тропу к когнитивистике с точки зрения взаимоотношений языка и мышления.

Понадобился добрый десяток лет (если не больше), чтобы осознать неправомерность столь узкой — сугубо лингвистической и в чем-то идеалистической — трактовки работы Витгенштейна. В свое оправдание скажу, что далеко не одинок в подобном восприятии «Трактата»: едва ли не каждый из тех, кто пытается найти этому сочинению место в структуре современной философской мысли, склонен причислять его к какому-либо направлению или дисциплине, в зависимости от собственных предпочтений. Сам «Трактат» дает к тому немало поводов, поскольку, как уже отмечалось, текст изобилует темными местами, которые можно толковать как угодно — согласно желаниям и интенциям толкователя.

* * *

В известном смысле «Трактат» целиком — одно большое темное место. Этот текст, обманчиво простой на первый взгляд, застаёт читателя врасплох; требуются особый угол зрения и пространственное воображение, чтобы начать хотя бы смутно догадываться, что имел в виду автор. (В этом отношении, к слову, при переводе на любой другой язык крайне полезно сличение немецкой и авторизованной английской версий «Трактата»: если опираться только на одну из них, а не на обе сразу, очень легко угодить в ловушку мнимого понимания и выдать в качестве результата одностороннюю интерпретацию витген-

* Вот почему, собственно, в сборнике «Языки как образ мира» (М.: АСТ, 2003), составителем которого мне довелось выступить, я счел возможным объединить под одной обложкой «Трактат», статью Б. Уорфа «Отношение норм поведения и мышления к языку» и несколько статей Э. Сепира. (Увы, по недосмотру редактора в название сборника вкралась опечатка — книга должна была называться «Язык как образ мира», что вполне соответствовало подобранному текстам, но в итоге была опубликована как «Языки...».)

штейновских рассуждений, лишённую того богатства смысловых оттенков, которое наличествует в оригинале и в одобренном автором английском переводе. Конечно, всякий перевод по определению является интерпретацией оригинала, однако в случае «Трактата» мы имеем два равнозначных варианта текста, дополняющих и разъясняющих друг друга — и создающих тем самым третий текст на каком-либо третьем языке.)

Содержательная многомерность «Трактата» подразумевает, что чтение этого произведения во многом сходно с дешифровкой, и здесь немалое содействие способна оказать система нумерации параграфов, предложенная Витгенштейном*. Любопытно, что на стадии подготовки работы к изданию даже осведомленные, казалось бы, читатели и рецензенты — логики, математики, философы, которым Витгенштейн отправлял рукопись (то есть, по определению У. Эко, идеальные, или образцовые, читатели), — испытывали определенные затруднения в следовании логике авторского изложения**, а нумерация параграфов и вовсе кое-кого из них сбивала с толка.

Так, австрийский издатель Л. фон Фикер в письме от 29 ноября 1919 года слезно просил Витгенштейна убрать нумерацию — мол, тогда опубликовать «Трактат» будет

* Сам автор характеризовал ее как «десятичную» (Decimal), но в некоторых параграфах налицо также «сантиметровая» и даже «миллиметровая» уточняющая нумерация: например, при 6.1, 6.2 и пр. имеются 6.01, 6.02 и 6.001, 6.002 и т. д. В пояснительной записке к рукописи Витгенштейн указывал, что это «менее важные» параграфы. По справедливому замечанию Л. Базоччи, наличие таких уточнений придает «Трактату» не только вертикальное и горизонтальное, но и «перспективное», объемное измерение на одном и том же логическом уровне (*Hacker P. An Introduction to the Centenary Edition of Tractatus Logico-Philosophicus. London: Anthem Press, 2021. P. 14*).

** Показателен здесь случай Г. Фреге, который, как жаловался Витгенштейн в письме Б. Расселу, «ровным счетом ничего не понял [в «Трактате»]» (письмо от 6 октября 1919 г.; см. *Wittgenstein L. Letters to Russell, Keynes, and Moore / Ed. by G. H. von Wright. Ithaca: Cornell University Press, 1974*). Фреге советовал разделить книгу на главы, посвященные каждая какой-либо отдельной теме.

намного проще. На это предложение Витгенштейн в ответном письме откликнулся категорическим отказом: «Десятичная нумерация моих замечаний должна быть напечатана вместе с ними, поскольку лишь она делает книгу ясной и доступной для восприятия, а без этих указаний текст превратится в неразборчивую мешанину» (письмо от 1 декабря того же года)*. Многие в нумерации параграфов «Трактата» усматривали подражание расселовской «Principia Mathematica», где использовалась похожая система, и полагали — некоторые даже сегодня продолжают так думать, — что автор таким образом «играет с читателем»**, что «цифры ничего не проясняют, а наоборот, порождают непонимание»***, что «ошибкой будет следовать этой нумерации при попытке чтения»****. Между тем нумерация абзацев «Трактата» принципиально отличается от той, которая была использована в «Principia Mathematica», и служит иной цели: Рассел описывал логическую систему, светило логики Г. Фреге ранее в своих «Основаниях арифметики» предлагал ввести в оборот логический язык, а Витгенштейн, в отличие от них, выносил на суд публики систему не логическую, а философскую (как он писал Л. фон Фикеру, «это сугубо философский труд, написанный повседневным языком, и в нем нет пустой болтовни»)****. Иными словами, нумерация параграфов в «Трактате» — не просто перечисление пунктов в порядке следования, а указание на расположение той или иной цепочки рассуждений в общем контексте работы (и в общем контексте правильного — в представлении Витгенштейна — мышления).

* Здесь и далее цит. по: *Wittgenstein L. Briefe an Ludwig von Ficker / Ed. by G. H. von Wright. Salzburg: Otto Müller Verlag, 1969.*

** См. *Black M. A Companion to Wittgenstein's Tractatus. Cambridge: Cambridge University Press, 1964.* Также см. *McGuinness B. F. Wittgenstein: A Life. London: Duckworth, 1988.*

*** См. *Puchner M. Op. cit.*

**** См. *Favrholdt D. An Interpretation and Critique of Wittgenstein's 'Tractatus'. Copenhagen: Munksgaard, 1964.*

***** Письмо от 7 октября 1919 г.

Это правильное мышление развернуто и объемно, не предполагает «обыденной» линейной последовательности, и потому читать «Трактат» от пункта 1 до пункта 7, как преимущественно поступают исследователи и те, кто интересуется философией как таковой, значит совершать серьезную ошибку. При последовательном чтении, разумеется, уловить структуру «Трактата» тоже вполне возможно — благодаря той самой нумерации параграфов, — однако задача понимания авторского замысла возлагается в этом случае целиком и полностью на читателя. Если же последний не слишком внимателен или, хуже того, почему-либо предвзят, текст Витгенштейна действительно рискует превратиться в «неразборчивую мешанину», вызвать отторжение или побудить к скоропалительным выводам, не имеющим ничего общего с авторским ходом мысли. Автор недаром потратил три года (!) на выстраивание этой структуры, и можно лишь поражаться тому, как он ухитрился проделать данную операцию, не располагая возможностями современной вычислительной техники. (Впрочем, гениям, как известно, свойственно опережать время, и «гипертекстовая» структура витгенштейновского «Трактата» — наглядное тому подтверждение.)

Единицей чтения в «Трактате» выступает вовсе не отдельный параграф и не совокупность параграфов, объединенных общей нумерацией (скажем, от параграфа 2 до параграфа 2.225), а логическая страница, или, если угодно, логический блок, то есть рассуждение по какой-либо теме — со всеми уточнениями, каковые автор счел нужным внести* (для примера — от параграфа 2 до параграфа 2.06, после чего начинается новая логическая страница). При таком «блоковом» чтении «Трактат» приобретает кристальную ясность, к которой, судя по его

* В дневниках автора утверждается, что все, сказанное в «Трактате», есть «лишь отражения одной большой проблемы в больших и малых зеркалах философии, установленных различным образом» (6 марта 1915 г.; цит. по: *Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916* / Пер. В. Суровцева. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2015).

письмам, и стремился Витгенштейн, но которой чрезвычайно трудно достичь при последовательном пролистывании страниц этого произведения. В настоящем издании, вслед за *The Centenary Edition**, предпринята попытка зримо воспроизвести исходную структуру «Трактата», какой та представлялась автору, и, на мой взгляд, подобное воспроизведение материала не только облегчает понимание текста Витгенштейна, но и открывает новые возможности для изучения тех философских и когнитивных топик, которые затрагиваются в «Трактате»**.

* * *

Откуда мы вообще знаем, что «Трактат» виделся автору именно логическим деревом?

По авторским примечаниям к «Прото-Трактату» исследователи сделали вывод, что первоначально Витгенштейн не предполагал такой структуры. Но летом 1915 г. он составил, опираясь на свои дневниковые записи и свежие размышления, отдельную заметку, в которой перечислялись несколько параграфов будущего «Трактата», уже с нумерацией, а именно параграфы 1, 1.1, 2, 2.1, 2.2, 3, 3.1, 3.2, 4, 4.1, 4.2, 4.3, 4.3, 5 и 6. С этого момента, с этих «крючков» и началось конструирование логического дерева, к которому почти сразу стало добавляться третье, «объемное» измерение (пункты с нумерацией п. 0 и далее). В целом автор постепенно прорабатывал один логический уровень за другим, двигаясь преимущественно по горизонтали и составляя ту структуру, в которую впо-

* См. *Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus Centenary Edition / Ed. by and with a foreword by L. Bazzocchi and with an Introduction by P. M. S. Hacker. London, New York: Anthem Press, 2021.*

** Для примера: логическая страница 4 (параграфы 4, 4.1, 4.2, 4.3, 4.4 и 4.5) при последовательном чтении «Трактата» дробится в читательском восприятии на десятки пунктов с будто бы сквозной нумерацией, тогда как при чтении «логическом» эта страница предстает как единое целое — и предъявляет читателю, одно за другим, пять ключевых понятий: представление (*Darstellung*), смысл (*Sinn*), значение (*Bedeutung*), выражение (*Expression*) и форму (*Form*). Последовательное прочтение не позволяет этого увидеть.

Содержание

К. Королев. Людвиг «великий и ужасный» и его «Трактат»	5
О составе сборника	25

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ

Текстологическое замечание о принципах перевода	29
Логическое дерево «Трактата»	32
Предисловие	37
1-7	39
1	40
2	41
3	50
4	62
5	90
6	123
ПРИМЕЧАНИЯ	146

ПРИЛОЖЕНИЕ

О философии языка и исчислении понятий:
на пути к «Логико-философскому трактату»

Готфрид Вильгельм Лейбниц	
ОБ ИСКУССТВЕ КОМБИНАТОРИКИ. Извлечения	161
I. О том, что Бог существует	161
II. Королларии и обсуждение	164
I. Логика	164
II. Метафизика	165
III. Физика	165
IV. Практика	166
III. Cum Deo!	168
Определения	170
Вопросы и применения	171
ПРИМЕЧАНИЯ	173

Содержание

Джон Уилкинз

ОПЫТ ОПИСАНИЯ ПОДЛИННОГО ХАРАКТЕРА

И ФИЛОСОФСКОГО ЯЗЫКА. Извлечения175

Достопочтенному лорду Уильяму, виконту Брункеру,
председателю, равно как и иным членам Совета,
а также всем участникам Королевского общества176

К читателю180

Часть первая

Глава I. Введение. — Происхождение языков. — Первые родные языки. — Их потомки183

Глава II. О различных изменениях и искажениях, коими избобилуют все вульгарные языки. — О бедах английского языка. — Будет ли какой-либо язык утрачен навсегда. — О появлении новых языков187

Глава III. Происхождение букв и письменности. — Все буквы заимствованы из древнееврейского. — Письмо моложе, а буквы менее многочисленны, чем сами языки. — О тайнописи и краткости. — О подлинных характерах. — Об алфавите ...190

Глава V. Ни буквы, ни языки не подчиняются разумным правилам. — Естественная основа, или Начала нескольких способов общения между людьми. — Для философского характера, или языка, необходимо точное исчисление всех явлений и понятий, коим должны быть присвоены имена193

Часть вторая

Глава I. Схема родов. — Об общих представлениях и трудности их правильного установления. — Об общих трансценденциях. — О трансцендентных отношениях. — О трансцендентных отношениях действия. — О нескольких понятиях, принадлежащих грамматике или логике196

Часть третья

Глава I. О различных видах и частях грамматики. — Об этимологии; общая схема цельных слов и частиц. — Об именах существительных. — Общие существительные, обозначающие явлений, действий и лиц. — Правила для существительных образа действия. — О субстантивах. — О прилагательных в соответствии с их истинным философским значением. — Истинное понятие глагола. — О производных наречиях. — Общая схема вышеупомянутых производных204

Содержание

Часть четвертая

Глава I. <i>Новый подлинный характер (из многих других, которые могут быть предложены) как для цельных слов с их родами, различиями и видами, а также вместе с их производными и словоизменяющими частицами, так и для всех разнообразных частиц</i>	208
Глава V. <i>Указания к простому усвоению этого характера и языка</i>	211
ПРИМЕЧАНИЯ	212

Джордж Буль

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОВ МЫШЛЕНИЯ, НА КОТОРЫЕ ОПИРАЮТСЯ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ЛОГИКИ И ВЕРОЯТНОСТИ. Извлечения	216
Предисловие	217
Глава I. <i>Характер и содержание этого труда</i>	218
Глава II. <i>О знаках как таковых и о знаках, соответствующих науке логики, в частности, а также о правилах, которым подчиняется этот класс знаков</i>	227
Глава III. <i>Вывод законов логики из правил деятельности человеческого разума</i>	237
Глава XXII. <i>О природе науки и конституции интеллекта</i> ..	250
ПРИМЕЧАНИЯ	279

Готлоб Фреге

СТАТЬИ О ЛОГИКЕ. Извлечения	282
Исчисление понятий, или Формальный язык чистой мысли, составленный по образцу языка арифметики	283
Предисловие	283
Глава I	288
О понятии и объекте	297
О смысле и значении	310
ПРИМЕЧАНИЯ	339

Джузеппе Пеано

ПРИНЦИПЫ АРИФМЕТИКИ. Извлечения	343
Предисловие	343

Содержание

Давид Гильберт	
ОБ ОСНОВАНИЯХ ЛОГИКИ И АРИФМЕТИКИ	346
ПРИМЕЧАНИЯ	349
Чарльз С. Пирс	
ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ	351
О науке и естественных классах	352
Возрожденная логика	379
Логика математики в отношении к образованию	402
Что такое прагматизм?	409
Вопросы прагматизма	431
ПРИМЕЧАНИЯ	451
Пол Карус	
ПРИРОДА ЛОГИЧЕСКОЙ И МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. Извлечения	459
ПРИМЕЧАНИЯ	473